

УДК 101.1

DOI 10.23683/2227-8656.2019.3.10

**ПРОБЛЕМАТИКА
АРХАИЗАЦИИ
В СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКОМ
ДИСКУРСЕ**

**THE PROBLEM
OF ARCHAIZATION
IN THE SOCIO-
PHILOSOPHICAL
DISCOURSE**

Ситников Алексей Петрович

Доктор экономических наук, профессор,
Южно-Российский гуманитарный
институт,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: urgj@urgj.info

Aleksey P. Sitnikov

Doctor of Economic Sciences, Professor,
South-Russian Institute
of Humanities,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: urgj@urgj.info

В данной статье представлен сложившийся социально-философский дискурс вокруг проблематики архаизации. Отмечается, что доминирующей установкой практически всех специалистов, ориентированных на разработку данной проблематики, является признание архаизации в качестве ведущего фактора, препятствующего процессам модернизации современного российского общества. Архаизация рассматривается как барьер, искусственно создаваемой властью и стихийно воспроизводимый самим обществом для решения проблем социальной адаптации к имеющим место преобразованиям. На основе проведенного анализа выделены социокультурный подход, концепции вызовов современности, массового общества и «человека-массы».

This article represents the current socio-philosophical discourse around the problem of archaization. It is noted that the dominant attitude of almost all specialists focused on the development of this problem is the recognition of archaization as a leading factor hindering the processes of modernization of the modern Russian society. Archaization is considered as a barrier artificially created by the authorities and spontaneously reproduced by the society itself to solve the problems of social adaptation to the occurring transformations. Based on the carried out analysis the socio-cultural approach, the concepts of challenges of our time, mass society and «man-mass» were selected.

Ключевые слова: архаизация; модернизация; социокультурный подход; массовое общество; «человек-масса».

Keywords: archaization; modernization; socio-cultural approach; mass society; «man-mass».

Актуальность поставленной проблематика обусловливается глубокой трансформацией общественной системы постсоветской России, которая происходит в сложных и противоречивых условиях, когда традиционные компоненты ценностной системы, сложившиеся типы массового сознания, доминирующие формы социального поведения зачастую препятствуют усвоению модернизационных норм и социальному укоренению современных институтов. Многие мыслители, осуществляя анализ российской истории, говорят о том, что всякая модернизация у нас наталкивается на элементы архаики, традиционализма, мифологического сознания. Изменения, происходящие в ходе реформ, неизбежно вступают в противоречие с устоявшейся нормативной культурой, зачастую порождая конфликты и отторжение нововведений, неприятие социокультурной почвой модернизационных перемен. В социально-философском дискурсе первостепенное значение все более явно придается поискам ответов на вопросы, связанные с историческими судьбами нашей страны. Архаизация выступает одним из барьеров, препятствующих социальному обновлению и прогрессу.

Изучение сложившегося дискурса вокруг данной проблематики представляет собой цель данной статьи.

Политический философ А.И. Неклесса исходит из того, что у России ныне три дороги в будущее: во-первых, догоняющая модернизация; во-вторых, контракт с обществом постмодерна; в-третьих, социокультурная реабилитация страны и народа. Однако нельзя исключать и четвертую возможность – неоархаизацию. Но это не возврат к былому состоянию традиционного общества, а прыжок в новое, еще неизвестное истории состояние (Неклесса, 2011).

В последнее время в социальной мысли и социально-гуманитарном знании вырос интерес к проблематике социокультурных явлений в сфере изучения традиционных и архаических пластов культуры и социума, их воздействия на сознание, жизненные установки и поведение человека.

Для социального философа Е.В. Самойлова архаизация есть социокультурный процесс, содержанием которого является упрощение, примитивизация сложной социальной системы, и она, выйдя на крайнюю точку пика кризиса, стремительно деградирует до тех форм соци-

альной и культурной жизни, которые, как считалось, ею изжиты уже давно (Самойлов, 2004).

А. Рябов исходит из того, что появление социальной архаики в российском обществе можно трактовать как реакцию на неудачи модернизации конца 1980-х – начала 1990-х гг. К тому же в советской системе уже имплицитно присутствовали элементы феодализма.

Анализ приводит этого автора к выводу, что появление и развертывание архаики отражают слабую готовность переходного общества к дальнейшим трансформациям, неизбежно влекущим за собой новые риски.

В свою очередь, Д. Хапаева пишет о «новорусском» Средневековье: «Средневековье – это общество, где свобода личности целиком положена на алтарь принципа господства сильного над слабым, где вассалитет как личная зависимость проявляется не только и не столько в выражении экономических отношений, но и глобально в форме отношений между людьми и является неотъемлемой чертой мышления его субъектов. Средневековье – это система общества, в котором место человека, его будущая профессия, партнер по браку, имущественный уровень с рождения предопределялись сословной иерархией. При подобном отношении к личности пытка являлась естественным и основным методом судопроизводства, аутодафе и эшафот – средствами борьбы с инакомыслием» (Хапаева, 2011).

Постсоветская архаизация как феномен изучается в работах экономистов, социологов, политологов. Курс на традиционность политической верхушки России сподвиг политологов писать о «взрывающейся архаичности». Базой российской государственности рядом специалистов стала рассматриваться архаичная клановость. Об актуализации культурных программ прошлого в современном российском обществе пишут историки и культурологи А. Янов, В. Булдаков.

В своих нынешних параметрах Россия в значительной степени близка к развивающимся странам, для которых проблема современности заключается в том, что здесь ткань культуры воплощена традициями более низкого уровня, чем в развитых обществах.

Архаизация устойчиво связана с процессами социальной трансформации: чем острее ощущается феномен архаизации, тем более драматичной проявляет себя социальная трансформация (Ламажаа, 2011).

Однако подобный подход к пониманию архаизации, определяя пространство исследования, т. е. методологически обозначая его границы, все-таки не предлагает такой модели архаизации, которая бы

зафиксировала реальные ее проявления в пространстве российской социокультурной трансформации.

Неизбежно встает вопрос о взаимосвязи архаизации и системы властных отношений, на что, к примеру, обращает внимание А. Рябов, справедливо увязывая архаизацию с целенаправленной политикой властных элит, для которых приоритетной является консервация существующих общественных порядков (Рябов, 2008). На наш взгляд, подобный подход видится системообразующим в исследовании реалий проявления архаизации.

Обобщая, мы вновь возвращаемся к проблеме, неизбежно возникающей, когда речь заходит о взаимосвязи различных ориентиров социальной реальности и архаизации.

Нам представляется, что, принимая в расчет вышеуказанные подходы, архаизацию следует рассматривать через теоретические подходы осмысления социума как пространства социокультурной трансформации. В их числе: а) социокультурный подход; б) концепция вызова современности; в) теории демодернизации и феодализации; г) концепция «человека-массы» и массового общества.

Важной системообразующей составляющей исследования является методология социокультурного анализа, разработанная П.А. Сорокиным и Т. Парсонсом, включающая в себя следующие базовые методологические допущения: 1) изучение общества в настоящем исследовании осуществляется посредством категорий общей теории действия, исходя из которых общество понимается как социальная система; 2) анализ исходит из того постулата, что культурные ценности и нормы являются базовыми регуляторами социальных отношений; 3) важной частью методологии настоящего исследования выступают понятия «социальное действие» и «социальное взаимодействие».

Социокультурный подход, согласно Н.И. Лапину, предполагает трактовку общества как единства культуры и социальности, порождаемых деятельностью человека (Лапин, 2000). Культура трактуется как комплекс приемов и продуктов деятельности человека материальных и духовных, а социальность – как система отношений каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами, формируемых в процессах деятельности. Социокультурный подход выделяет ряд принципов, которые способствуют более четкой постановке актуальной проблематики данного исследования.

Один из них – это принцип активного субъекта социального действия и взаимодействия; далее – принцип интеграции культуры и социальности при одновременной их несводимости и незаменимости;

принцип антропосоциетального соответствия, или сбалансированности личностно-поведенческих качеств человека и социетальных черт этого общества; принцип социокультурного баланса, или паритета между культурными и социальными сторонами, как условие стабильности общества; принцип симметрии и взаимобратимости социетальных процессов (Ковалев, 2017).

В направлении избранного исследования теоретико-методологическим ключом к исследованию феномена архаизации выступает понимание подобного явления как сознательного и/или неосознанного противодействия вызову современности. Это связано с тем, что время переходного периода, переживаемое Россией, как, впрочем, и другими странами, – это не просто период модернизации, но и время кризиса традиционных взаимосвязей, утери социокультурной идентичности индивидами и группами, когда субъект вынужден вновь искать свое место в социуме, находить или самостоятельно строить адекватные поведенческие и коммуникативные структуры.

Политический философ Б.Г. Капустин исходит из того, что понятие «современность» создает возможность под новым углом зрения рассматривать и капитализм, и демократию, и рационализм, включая также и отношения между всеми этими компонентами общества.

Для И.Б. Пржиленской причины архаизации и демодернизации могут быть разными. В условиях, когда достигнутое состояние баланса структур и институтов разрушается и при этом новое создать не удастся, методом предотвращения катастрофы становятся стихийная архаизация или подконтрольная прежнему центру власти демодернизация (Пржиленская, 2008).

Несколько иной подход у авторов доклада Института национальной стратегии, которые пишут о симптомах демодернизации внутри западного общества.

Эти и им подобные процессы могут трактоваться как признаки перехода в новое постиндустриальное/постсовременное состояние, но также рассматриваться как нарушения в цивилизации модерна, его сбои. В любом случае они ведут к тому, что трактовка модернизации через снятие кальки с современного состояния западных обществ становится просто наивной и неинформативной (Модернизация России ... , 2009).

Представление о массе как определенном качественном типе человека впервые появляется у Х. Ортега-и-Гассета в его известной книге «Восстание масс».

В Европе случилось восстание масс, результатом которого стало изменение базовых принципов общественной жизни. Никогда еще

массы не господствовали так явно и непосредственно. «Мы видим толпу, которая завладела и пользуется всеми просторами и всеми благами цивилизации... Теперь они появились все вместе, и куда ни взглянешь, всюду видишь толпу... Они существовали и раньше, но оставались незаметными, занимая задний план социальной сцены; теперь они вышли на авансцену, к самой рампе, на места главных действующих лиц... Масса – это средний, заурядный человек... в наше время массовый тип, “чернь”, преобладает даже в традиционных избранных группах. Так, в интеллектуальную жизнь, которая по самой сути своей требует и предполагает высокие достоинства, все больше проникают псевдоинтеллектуалы» (Ортега-и-Гассет, 1991).

«Человек-масса» – это средний человек, чувствующий, что он как все, не ощущающий какого-либо отличия от других. Это человек-посредственность, который не тяготится этим, а наоборот, преподносит и ощущает свою посредственность как норму жизни. Более того, осознавая свою посредственность, он беззастенчиво и даже с гордостью повсеместно демонстрирует и всем навязывает свое право на посредственность.

И в данном контексте не имеется в виду деление на низшие и высшие классы. Аристократией, элитой мыслитель называет ту группу людей, которая исповедует определенные идеалы, высшие стремления и обладает чувством ответственности, а вовсе не ту, которая оказалась таковой в силу своего происхождения. Эти люди следуют зову долга, живут с высокими требованиями к себе и высокой же готовностью к самосовершенствованию. Для них жить – значит активно действовать. «Человек-масса» свою деятельность, как считает Ортега-и-Гассет, подчиняет нравственности, неотличимой от нравственности гомеровских времен. Так будущее человеческой цивилизации оказалось в управлении заурядных людей, имеющих слабое представление о мировой истории, не готовых разглядеть и предотвратить повторение ошибок прошлого, решать новейшие задачи современности.

Об этом же пишет французский мыслитель Г. Лебон, отметивший, что сознательная личность в толпе исчезает, что человек в толпе – это варвар, т. е. существо на уровне инстинктов.

Для М.В. Шугурова культура, рожденная массовой культурой, а также Россия, которая в этом контексте обретает новые способы создания смыслов, стали полем с необъятными эвристическими потенциалами-всходами, раскрывающими новые интенциональные стороны человеческого бытия.

Предложенные теоретико-методологические подходы к исследованию проблемы архаизации нацелены на анализ ее комплексного характера и свидетельствуют о наличии методологического аппарата, необходимого для социально-философского исследования контекстуальной сущности, уровней и модусов проявления архаизации в пространстве социокультурной трансформации.

В науке сложилось несколько подходов к определению социальной сущности архаизации, в рамках которых дается социально-философская интерпретация рассматриваемого понятия. Несмотря на оригинальность и даже противоречивость некоторых точек зрения, их можно свести к нескольким парадигмальным представлениям, абсорбирующим в себя смежные непротиворечивые оценки, интегрированные по степени их близости друг к другу. Прежде всего, следует указать на такое понимание архаизации, как отказ от модернизации. В подобном представлении анализируемое понятие оценивается в качестве комплекса процессов и состояний, которые являются результирующим итогом свертывания модернизационных преобразований. Сам отказ от модернизации интерпретируется в виде реакции общества на неприятие чуждых ему социокультурных и социально-политических преобразований, инициируемых элитами. Результатом указанных реформ выступают ухудшение уровня жизни и психологического климата, утрата зоны комфорта, что в конечном итоге побуждает общество искать спасение в исторически апробированных и привычных социокультурных формах, архаичных по своей сути. Соответственно, близким по содержанию к представленному является взгляд на архаизацию как отказ к историческому прошлому, в том числе догосударственному. Здесь архаизация постулируется в образе рудиментарных массовых представлений, извлекаемых из подсознания в виде нерелексируемых архетипов, нацеленных на примирение между негативно оцениваемым настоящим и позитивно окрашенным прошлым. Смежным относительно двух рассмотренных подходов следует назвать такое понимание архаизации, на основе которого она представляется как результат искаженного, иррационального мышления, деформированного неспособностью широких масс адаптироваться к современной реальности и, соответственно, отказу от ее ценностных доминант. Иррациональность здесь выступает в форме деформации мышления, главным образом его примитивизации, упрощения, что ведет субъекта к неспособности осознавать современные социальные запросы и вырабатывать на рациональной основе необходимые действия для преодоления возникающих препятствий и барьеров. Другим парадигмальным основанием

для оценки сущности архаизации следует назвать концепцию так называемой феодализации. Феодализм сторонники данного представления интерпретируют как социальный образ, представляющий архаичное общество в виде средневекового формата социальных отношений, где отсутствует политическая свобода, доминирует право сильного, развиты патрон-клиентские отношения, нет права частной собственности и т.д. Это понимание социальной природы архаизации также можно интерпретировать как следствие отката к историческому прошлому, но здесь реставрация домодернизационных порядков приобретает вполне конкретные очертания, которые можно найти у всех народов, в той или иной степени давности находившихся на архаичных стадиях исторического развития. Ряд исследователей считают, что полный возврат к прошлому в новых социальных условиях невозможен. В связи с этим архаизация объясняется ими несколько иначе в сравнении с предыдущими подходами. Они видят в ней нечто эклектичное, сформированное как бы из разных исторических форм, взятых на разных стадиях исторического развития. Следовательно, архаизация представляется в форме эклектичного образования, чаще всего не имеющего реальной ценности для широких масс населения. Другими учеными дается несколько иное объяснение архаичной эклектики, возникновение которой они видят исходя из интенции власти относиться к ней как эффективному механизму управления общественным сознанием. Таким образом, здесь архаизация представлена в образе государственного инструмента, нацеленного на то, чтобы использовать исторически понятные обществу архетипы для объяснения свершившегося отказа от модернизационной политики. В результате из этой политики вполне способно сформироваться нечто принципиально новое, родившееся из разнородных элементов, обретших целостность через целенаправленные действия власти по управлению общественным сознанием.

Архаизация как проблема обладает собственной историей исследований и позиционируется в социальных науках на основе различных дисциплинарных направлений и подходов. Формулирование и актуализация в социально-гуманитарном знании феномена архаизации современного российского общества исходят из рассмотрения особенностей ее выражения в социокультурном поле и связаны с необходимостью дальнейшей концептуальной углубленной разработки достигнутого знания.

Литература

Ковалев В.В., Рачина А.В., Самыгин С.И. Патриотизм и экстремизм: социальная сущность и происхождение // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7.

Ламажсаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011.

Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М. : ИФРАН, 2000.

Модернизация России как построение нового государства : экспертный доклад Института национальной стратегии. Режим доступа: <http://www.strf.ru>.

Некlessа А. Праведное дело. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/2011/>.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. А.М. Гелескула. М., 1991.

Пржиленская И.Б. Эволюция жизненного мира россиян в условиях трансформирующегося социума : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ставрополь, 2008.

Рябов А. Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практика и идеи // Московский фонд Карнеги. Рабочие материалы. 2008. № 4.

Самойлов Е.В. Культурные запреты как фактор экономической деятельности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2004.

Ханаева Д. «Новорусское» Средневековье. Режим доступа: <http://polit.ru/2010/05/11/>.

References

Kovalev, V.V., Rachipa, A.V., Samygin, S.I. (2017). Patriotism and extremism: social essence and origin. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskkiye i obshchestvennyye nauki*, 6–7. (in Russian).

Lamazhaa, Ch.K. (2011). Archaization of society in the period of social transformations (socio-philosophical analysis). (Abstract, Doctoral Dissertation, Moscow).

Lapin, N.I. (2000). Ways of Russia: sociocultural transformations. M.: IFRAN.

Modernization of Russia as the construction of a new state. Expert report of the Institute of National Strategy. Available at: <http://www.strf.ru>.

Neklessa, A. (2011). Righteous Business. Available at: <http://www.intelros.ru/2011/>.

Ortega-i-Gasset, H. (1991). The Rising of the Masses. Transl. by A.M. Gelescul. M.

Przhilenskaya, I.B. (2008). The evolution of the life world of Russians in a transforming society. (Abstract, Doctoral Dissertation, Stavropol).

Ryabov, A. (2008). The Revival of the «Feudal» Archaic in Modern Russia: Practice and Ideas. *Moskovskiy fond Karnegi. Rabochiye materialy*, 4. (in Russian).

Samoilov, E.V. (2004). Cultural bans as a factor in economic activity. (Abstract, Doctoral Dissertation, Rostov-on-Don).

Hanaeva, D. (2010). «Novorussia» Middle Ages. Available at: <http://polit.ru/2010/05/11/>.

Поступила в редакцию

3 апреля 2019 г.